

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

СЛЕПЕНЬ

Ставрополь-Губернский. № 11.
Съверный видъ.

Клим Ардашев

Иван Любенко
Слепень (сборник)

«Автор»

2021

Любенко И. И.

Слепень (сборник) / И. И. Любенко — «Автор», 2021 — (Клим Ардашев)

...Зимой 1909 года Ставрополю был объявлен ультиматум. На страницах свежего выпуска местной газеты, прямо на первой полосе под заголовком «То ли верить, то ли нет» было опубликовано письмо некоего Слепня. В нем говорилось, что он уже провел суд на самыми мерзкими и низкими людишками Ставрополя: старшим советником Губернского Правления, судьей Окружного суда и врачом. И если они до 25 января не отправят письменное покаяние по указанному адресу, приговор будет приведен в исполнение. Приговоренные, как и ожидалось, никаких писем отправлять не стали. Чуть позже каждому из них пришла посылка со странным содержимым: внутри находилось тридцать серебряных монет, хвост крысы, охотничья пуля, кусок сыра и вилка для мясной нарезки. А еще через время каждый из них получил по заслугам. Ставропольцы в ужасе. Ведь совсем скоро на страницах газеты появилась новая статья и новый список приговоренных. Кто такой Слепень и зачем он это делает? Выяснить это предстоит адвокату Ардашеву... Вместе с заглавной повестью «Слепень» в состав сборника вошли 3 рассказа и повесть «Тёмный силуэт» из цикла «Клим Ардашев».

Содержание

Мёртвое пианино	5
I	5
II	10
Знак Сатаны	13
I	13
II	17
III	20
IV	24
V	25
VI	28
Убийство на Васильев вечер	29
I	29
II	32
III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Любенко

Слепень (повести)

Мёртвое пианино

I

Вернувшись из сочинского имения редактора «Петербургской газеты», Ардашевы зажили привычной провинциальной жизнью. Днём Клим Пантелеевич участвовал в судебных заседаниях, а по вечерам возвращался к недоконченному роману или до позднего вечера засиживался в кабинете с томиком Чехова.

Вторник шестого августа был неприсутственным днём – Ставрополь отмечал Преображение Господне (Яблочный Спас), – и Ардашевы решили посетить новый кинематограф «Модерн», открытый братьями Меснянкиными в двухэтажном «Пассаже»¹. Французское название было выбрано не случайно. Выстроенное совсем недавно здание соединяло Николаевский проспект и Казанскую площадь с шумным Нижним базаром. Коммерческие и зрительные залы находились в одном помещении. На втором этаже размещался театр на шестьсот мест и торговые отделы, на первом – кинематограф на двести зрителей и многочисленные купеческие магазины. Не обошлось и без модного внутреннего двора со стеклянной галереей, где в деревянных кадках росли заморские диковинные пальмы, а в ажурных клетках кричали беспокойные попугаи ара, какаду и весело свирители русские канарейки. В подвальном помещении раскинулся шикарный ресторан «Гном».

Уже на подходе к «Пассажу» зазывно кричали красные афиши рекламных тумб: «Спешите видеть! Видовая лента “Полёт дирижабля”. За ней – фильма “Ад”! Только здесь вы можете встретить трёхротового Люцифера и своих умерших знакомых. Более 150 действующих лиц! Движущаяся картина собрала более двух миллионов долларов в Северо-Американских Соединённых Штатах. Третья фильма – “Большое ограбление поезда”. Убийства, погони, перестрелки! Экспроприация на железной дороге! И всё за один сеанс!»

Пройдя в зал, Ардашевы заняли кресла в пятом ряду. Билет сюда стоил пятьдесят копеек. Если оставались свободные места, гимназистам и нижним чинам продавали места за половину стоимости.

Почти у самого экрана, под углом, стояло пианино. На венском стуле висел летний сюртук тапёра. самого музыканта в зале ещё не было. На приставном столике виднелась бутылка сельтерской и чайный стакан.

Мимо Ардашевых текла людская река. Зал заполнялся, точно пчелиный улей перед дождём. Клим Пантелеевич раскланивался со знакомыми. А их было немало: председатель Губернского комитета по делам мелкого кредита Фрауф, заведующий ломбардом отставной губернский секретарь Сафронов, управляющий Ставропольским отделением Азовско-Донского коммерческого банка Старосветский с семьёй, помощник врачебного инспектора Мильвидский с супругой, судья первого участка города Бенедиктов, податной инспектор Васильев... Да разве всех перечислишь?

Наконец лампы Сименса и Гальске потухли.

Тапёр занял место у инструмента.

¹ Пассаж (*фр.*) – крытая галерея для пешеходов, соединяющая две улицы, на которых помещаются различные магазины (Словотолкователь под редакцией С.Н. Алексеева, М., 1898. – *Прим. авт.*).

Робко застрекотал киноаппарат «Патэ», потекла лёгкая мелодия, и луч упал на экран. По белому полотну поплыл сигарообразный дирижабль. Казалось, что цеппелин сейчас изменит курс и повиснет над головами зрителей. Зал изумлённо притих. Короткая видовая лента пронеслась быстро, и свет вновь включили. Но уже через несколько минут вновь стало темно, музыкант заиграл ноктюрн из 37-го сочинения Фредерика Шопена соль минор. Началась основная фильма.

Итальянский режиссёр Джузеппе де Лигоро рисовал на белом полотне своё представление страшного потустороннего мира. И в тот момент, когда поэт Данте, пытаясь выбраться из тёмного леса, увидел спасительный свет, раздался дикий женский вопль. Кричала жена врачебного инспектора Мильвидского, сидящая неподалёку от Вероники Альбертовны Ардашевой. Подскочив с места и трясаясь от страха, дама указывала на тапёра.

Голова музыканта запрокинулась, руки безжизненно повисли, а изо рта белыми хлопьями валила пена. И только пианино продолжало играть как ни в чём не бывало. Клавиши, точно ведомые невидимой рукой, сами исполняли окончание лирической пьесы польского композитора. По залу прокатился вздох изумления. Публика поднялась с мест.

Первым на помощь несчастному бросился врач Мильвидский. За ним, пробираясь по ряду, поспешил Ардашев.

Осмотрев тапёра, доктор принялся хлестать его по щекам, пытаясь привести в чувство.

– Он мёртв? – тихо спросил адвокат.

– Да, – грустно констатировал врач.

– А в чём причина смерти?

– Пока ничего не могу сказать. Возможно, паралич сердца или удар.

– Но разве при ударе бывает такая обильная пена?

– У кого как, – пожал плечами медик. – Всё зависит от возраста, образа жизни... Тут, знаете ли, заранее не предскажешь.

Дали свет, и сеанс прекратился. Из кинобудки вышел неприметный человек небольшого роста и остановил механическое пианино.

Тем временем толпа напирала. Людское любопытство победило страх, и вокруг трупа образовался полукруг зевак.

– Так ведь пианино, оказывается, не настоящее, а механическое! – возмутился кто-то.

– Вот-вот! А деньги-то дерут настоящие! – послышался недовольный возглас старушки.

– И тапёр, выходит, не тапёр, а чистый мошенник! – воскликнул какой-то господин в котелке.

– Сударь, побойтесь Бога! Разве можно плохо говорить о покойнике? – пристыдила незнакомца дама в шляпке.

– Господа! Прошу разойтись! – раздался властный голос директора синематографа. – Сейчас прибудет полиция.

Упоминание стражей порядка подействовало, и люди, сначала потихоньку, а потом и торопливо, стали покидать зал. Осталось всего несколько человек: Ардашев с женой, супруги Мильвидские, судья первого участка Бенедиктов, банкир Старосветский и сам директор – Александр Захарович Купский.

От полицейского управления до «Модерна» было рукой подать, и потому начальник сыскального отделения Ефим Андреевич Поляничко и его верный помощник Антон Филаретович Каширин не заставили себя долго ждать.

Первым появился Каширин. Маленький и толстый, точно бильярдный шар, он вкатился в зал и громко, дабы показать свою значимость, провещал:

– Ну-с, кто здесь труп?

– Да вот, собственно, – указывая рукой на тапёра, отвечал судья Бенедиктов.

– А? Иван Георгиевич? Благодарю-с, – заискивающе пробормотал тот и, оглядевшись, спросил: – А что здесь делают дамы? Прошу всех посторонних немедленно покинуть залу! – И тут же, метнув недобрый взгляд в сторону Ардашева, добавил: – Это и вас касается, господин адвокат.

– Одну минуту, Антон Филаретович, – вмешался начальник. – Не стоит торопиться. Возможно, нам понадобится опросить свидетелей.

– Не смею спорить, – пожал плечами Каширин.

– А впрочем, я, наверное, пойду домой, – повернувшись к Ардашеву, негромко вымолвила супруга. – Это печальное зрелище не для меня.

– И я с вами, Вероника Альбертовна, – утирая слёзы крохотным платочком, чуть всхлипывая, проронила Мильвидская.

– Вот-вот, – поддакнул банкир Старосветский, обращаясь к жене, – и ты, дорогая, поезжай с ними. Я буду позже...

Вздыхая и перешёптываясь, дамы удалились.

Тем временем начальник сыска двумя пальцами (за дно и край) взял чайный стакан, понюхал, хмыкнул и отставил в сторону. Потом настала очередь полупустой бутылки сельтерской. Но она отвлекла внимание сыщика ненадолго – теперь он занялся карманами покойного: из светлого сюртука выудил медный портсигар, коробок спичек, карандаш и овальную фляжку ручной работы.

– Ого! – присвистнул Каширин. – Серебряная?

– Да, не сомневайтесь. Тут гравировка даже имеется: «С днём Ангела, милый! Твоя Крошка С.». – Поляничко помолчал немного, а потом спросил помощника: – А что, Антон Филаретович, разве этот настройщик фортепьяно... как его...

– Харитон Модестович Акулов, – подсказал тот.

– Вот-вот... женат?

– Никак нет, одинок, как горох на блюде.

– Так-так... – полицейский, достав носовой платок, аккуратно отвинтил крышку, налил в стакан немного содержимого фляжки и, рассмотрев жидкость на свет, заключил:

– Коньяк. И к тому же недешёвый.

– Позвольте? – осведомился Ардашев, и, получив согласие, тоже понюхал стакан, и добавил: – То, что это коньяк, – несомненно. Только запах у него странноватый...

– И что же вам в нём не нравится? – усмехнулся Каширин.

Но адвокат не успел ответить, потому что в этот момент Ефим Андреевич, уже набив нос табаком, потянул воздух. Зелье возымело действие, и сыщик разразился однообразной, как хлопанье куриных крыльев, чередой чихов, прерываемых словами «Прости, Господи!». Вытерев всё тем же фуляровым платком выступившие слёзы, он крикнул от удовольствия и спросил доктора:

– Итак, Савелий Панкратович, позвольте услышать ваш медицинский вердикт.

– Exitus lethalis, – сухо выговорил Мильвидский.

Поляничко пожевал губами и сощурился.

– Думаете, скончался в результате смертельного хронического заболевания?

– Похоже на то, однако совершенно точно сказать не могу. Это всего лишь предположение. Для полной уверенности надобно провести вскрытие.

– Да бросьте вы! – махнул рукой Каширин. – Этак с ума можно сойти, ежели каждого мёртвого пропойцу к прозектору возить. Разрешение на погребение выдадим, и всё, хватит. Тут и без латыни ясно: пил-пил и допился... Вы же видите, что он подливал из фляжки коньяк, пока не окочурился.

– А чего ж не пьянствовать, если за тебя мёртвое механическое пианино играет? – вставил слово банкир Старосветский. – Тоже мне! Цирк устроили с тапёром! Позор на весь город! А ещё афиши развесили с фирмой «Патэ»! А фирменное у вас только надувательство!

– Видимо, мне придётся кое-что объяснить, – обиженным голосом провещал директор Купский. – Вы, Борис Тимофеевич, зря гневаетесь. Мы «Вельте-Миньон» не от хорошей жизни купили. В Ставрополе музыкантов раз-два и обчёлся. Вот отыскивали настройщика пианино Акулова (кстати, играл совсем недурно). Договор с ними заключили. А он нет-нет да и заложит за галстук... Что нам оставалось делать? Пришлось разориться на это чудо музыкальной техники. А теперь эта смерть...

– Факт, конечно, прискорбный, – умерев негодование, посетовал банкир. – Но что поделаешь? Жизнь коротка. И никто точно не знает, когда наступит его черёд.

Послышались чьи-то шаги. В дверях показались два человека с носилками.

– А вот и медицинская карета подъехала, – с нескрываемой радостью проговорил Каширин. – Забирайте его, братцы, забирайте, и побыстрее.

Пока труп укладывали и выносили, присяжный поверенный внимательно рассматривал фляжку. Заметив это, Поляничко спросил:

– Чем вас заинтересовала эта серебряная баклага?

– Вы, Ефим Андреевич, не полностью прочитали надпись, – ответил Ардашев. – Тут в конце выгравирована дата: «17.VI.12».

– Да видел какие-то циферки, но без очков они для меня точно червячки, не разобрать.

– И всё-таки я вас попрошу никуда её не девать.

Адвокат оглянулся, и, увидев оставленную кем-то газету, завернул в неё флягу, и передал Поляничко, который тут же всучил её Каширину.

– Не волнуйтесь. Всё внесём в опись и передадим родственникам. Ну что, будем расходиться?

– Постойте-постойте, – всполошился директор. – Я хочу принести извинения за сорванный сеанс и прямо сейчас приглашаю всех отужинать в ресторане «Гном». Там у нас отдельный кабинет абонирован. ...А захотите, можно и в картишки партейку-другую... Ну это так, так, что называется, ради удовольствия: в английского дурачка или пьяницу.

Директор заискивающе посмотрел на Поляничко, но полицейский улыбнулся и, глядя на помощника, сказал:

– А что, Антон Филаретович, пойдём? Ведь мы сегодня без обеда остались.

Каширин от неожиданного вопроса сначала растерялся, потом кивнул и засиял, как каска брандмейстера.

– А вы, Иван Георгиевич, присоединитесь? Не откажите в удовольствии быть в компании с вами, – медовым голосом пропел Купский.

– Уж я, Александр Захарович, право, не знаю, – опустив глаза, вымолвил судья Бенедиктов. – Удобно ли?

– Удобно! Ещё как удобно! Искренне буду рад.

– Что ж, в таком разе я не против.

– При таком количестве людей не сыграть в винт – уголовное преступление, – заметил Ардашев.

– Эх, Клим Пантелеевич – погрозил пальцем Поляничко. – Вечно вы меня во грехи вводите! То в Великий пост вишнёвой наливочкой угощаете, то азартную игру предлагаете... Нет, играть не будем. А так посидим, посмотрим.

– В таком случае, – заявил адвокат, – Савелий Панкратович просто не может не участвовать в партии. Иначе винт не состоится. Надобно минимум четыре человека.

– Нет-нет, господа, прошу извинить, но эта смерть произвела на имя сильное впечатление. Пожалуй, я пойду домой, – покачал головой Мильвидский.

– Тогда и я не останусь, – твёрдо сказал присяжный поверенный.

– Ну как же, Савелий Панкратович? – взмолился Купский. – Вот и Клим Пантелеевич без вас не останется... Я очень вас прошу принять моё приглашение. Не откажите, сделайте милость.

– Ладно, – сдался Мильвидский. – Только я засиживаться не буду. Час, и не более. Домна Александровна сегодня так сильно расстроилась и ушла вся в слезах...

– Вот и славно! – хлопнул в ладоши Купский. – Итак, господа, прошу...

II

Шёл второй час игры. Ставки увеличивались. Зелёное сукно было сплошь исписано белыми колонками цифр. Ардашев играл в паре с судьёй Бенедиктовым, а доктор – с банкиром Старосветским.

Рядом, утонув в мягком кресле, блаженно дремал Поляничко. Его нафиксатуаренные усы торчали, точно стрелки часов, показывающие четверть десятого. Своего помощника он отправил в сыскное отделение с вещами покойного после того, как присутствующие пересели с обеденного стола за ломберный.

Напротив Ефима Андреевича, дымя сигарой, сидел Купский и со скучной миной листал «Всемирный юмор» – журнал с картинками далеко не пуританского содержания. По грустным глазам директора синемаатографа было видно, что после выпитой водки и коньяка он разгорячился и спокойное времяпрепровождение тяготило его так же сильно, как обычно угнетало присутствие жены в местном театре-варьете. Душа Александра Захаровича жаждала продолжения в виде шампанского, очаровательных женских ножек, мелькающих перед глазами, и рассвета – не простого, а настоящего, когда перепачканный губной помадой и пахнущий всей гаммой духов фабрики «Ралле», он будет тихо плакать под задушевную цыганскую песню у костра на берегу Архиерейского пруда. Да, когда-нибудь это обязательно случится, а пока – солидная компания и уважаемые люди. Одним словом – скукота египетская.

– Два без козыря, – начал банкир.

– Три черви, – ответил судья.

Доктор задумался, ему предстояло принять правильное решение. Слегка волнуясь, Мильвидский вынул из внутреннего кармана фляжку. Сделав два глотка, он поморщился и стал её убирать, но сразу ему это не удалось.

– Не угостите? Что там у вас? Коньяк? – присяжный поверенный протянул руку.

– Нет. Это водка.

– Отлично! Мне чуть-чуть, чтобы взбодриться.

Ардашев взял фляжку и, налив немного в пустой стакан от только что выпитой сельтерской, заметил:

– Прекрасная вещь. И тоже серебряная.

– Да, подарок жены, – согласился Мильвидский, пряча предмет в карман.

Услышав слово «фляжка», директор «Модерна» встрепнулся и, глядя на Поляничко, спросил:

– Скажите, Ефим Андреевич, неужто Харитон вот так взял и запросто умер, а? Он ведь ни на что не жаловался, а если и болел, то только с перепоя... Ну как такое может случиться?

– Вопросец не по адресу, – приоткрыв глаза, усмехнулся Поляничко. – Это вы у нашего уважаемого врачевателя спросите. Я в медицине не разбираюсь.

– А тут и выяснять нечего. Тапёра отравил господин Мильвидский, – не отрывая глаз от карт, негромко выговорил присяжный поверенный.

В комнате воцарилась тишина. Было слышно, как под потолком бьётся случайно залетевшая большая чёрная муха.

– То есть как?! – привстав от негодования, воскликнул врач. – Вы хотите сказать, что Акулов был убит и это сделал я?

– Именно, – невозмутимо подтвердил адвокат.

В мгновение ока Поляничко поднялся и, оказавшись за спиной Мильвидского, тихо прошептал:

– Вы не волнуйтесь, Савелий Панкратович, не волнуйтесь. Сядьте. Давайте послушаем Климента Пантелеевича. Он обычно пустыми обвинениями не бросается.

– Как помните, господа, – начал рассказ Ардашев, – тапёр Харитон Акулов имел обыкновение во время сеанса подливать из фляжки в чайный стакан алкоголь. Так было всегда, но сегодня ещё до начала фильма фляжку подменили. Это случилось в тот момент, когда Акулов, оставивший сюртук на стуле, куда-то вышел. И сделал это доктор Мильвидский. Какой разновидности было отравляющее вещество, я затрудняюсь сказать. Знаю только, что оно очень сильного действия. Думаю, после проведения химического анализа эксперт-криминалист определит состав яда и подтвердит мои слова. Сия жидкость, как вы помните, осталась во фляжке, найденной в кармане настройщика пианино. Нисколько не сомневаюсь в том, что и причина смерти Акулова – отравление ядом – будет засвидетельствована после вскрытия тела.

– Допустим, тапёра отравили. Но при чём здесь я? – робко осведомился Мильвидский. – Да и какие у вас имеются доказательства моей вины?

– Поверьте, их более чем достаточно, – горько усмехнулся присяжный поверенный и продолжил: – Итак, на серебряной фляжке Акулова, как, надеюсь, все помнят, было выгравировано: «С днём Ангела, милый! Твоя Крошка С.». И тут же стояла дата вручения подарка: «17.VI.12.», то есть семнадцатое июня прошлого года. А в этот день отмечают день ангела не Харитона, а Савелия. День ангела Харитона – одиннадцатое апреля. Точно такую дату вы найдёте на фляжке, находящейся в данный момент в кармане господина Мильвидского. И надпись там почти та же: «С днём Ангела, милый! Твоя Крошка До. 11.IV.10». Латинская буква С на фляжке, найденной у покойного, – не что иное, как нота «до». Именно такой литерой она обозначается. Другими словами, подписи на обоих подарках почти одинаковые. Разнятся только даты. Вероятно, всем присутствующим уже ясно, что «Крошка До (С)» – это Домна Александровна Мильвидская, супруга доктора, подарившая в разные годы и мужу, и любовнику одинаковые фляжки с похожей гравировкой.

– Стало быть, мотив смертоубийства – ревность? – спросил Поляничко.

– Ревность и месть, – подытожил Ардашев.

– Послушайте, Ефим Андреевич, но это же полная ерунда! – дрожа от негодования, возмутился медик. – У новоявленного господина Пинкертон нет никаких серьёзных доказательств! Да мало ли кто и что пишет на подарках? Разве к этому можно относиться серьёзно? И потом, если уж и принять во внимание заявленные доводы, то на фляжке, которая якобы моя, должны остаться отпечатки моих пальцев. Вы согласны? Давайте проверим, есть ли они там?

Присяжный поверенный покачал головой и сказал:

– Скорее всего, мы их там не обнаружим. Вы ведь действовали в перчатках. Они и сейчас лежат в вашем боковом кармане. Но это ни о чём не говорит. Перчатки есть и у меня, и у других присутствующих. Дело не в них. Вы надеялись успеть вторично заменить фляжки, когда ринулись приводить в чувство уже отошедшего в мир иной Акулова. Но не успели, поскольку я оказался рядом. Если бы вам это удалось, то ни у меня, ни у кого-либо другого не было бы никаких шансов раскрыть это преступление. И потому выкладываю вам ещё одно доказательство вашей вины – это безусловное наличие отпечатков пальцев покойного на той фляжке, что лежит в вашем кармане, то есть на фляжке, принадлежавшей ранее тапёру. Конечно, теперь там будут и мои следы, но в результате дактилоскопического исследования их можно легко отличить от ваших папиллярных узоров.

Мильвидский не проронил ни слова. Он молча уставился в пол.

– Положите фляжку на стол! – приказал Поляничко.

Доктор молча повиновался.

– Позвольте узнать, Клим Пантелеевич, – осведомился банкир. – А когда у вас появились первые подозрения в отношении убийства тапёра?

– Почти сразу. Свою роль сыграли три обстоятельства: наличие обильной пены изо рта музыканта, состояние фляжки, найденной в его сюртуке, и дорогой коньяк. Такая пена обычно наблюдается при отравлении сильнодействующими ядами. Что касается фляжки, то, судя по

дате, её подарили три года назад. Однако на ней отсутствовали сколько-нибудь заметные следы пользования: царапины, вмятины, потёртости. Отсюда следовало, что её хозяин не злоупотребляет алкоголем, чего нельзя было сказать о погибшем музыканте. Да и стоимость коньяка немалая. Не каждый тапёр может позволить прихлёбывать его во время сеанса.

– По поводу коньяка всё-таки непонятно, – задумчиво проронил Старосветский. – Зачем надо было покупать, допустим, дорогой мартелевский, если можно было обойтись дешёвым кизлярским? Какая разница, что выпьет жертва перед смертью?

– Я и не покупал, а взял тот, который был дома, – мрачно вымолвил доктор и, подняв глаза, спросил: – Уж коли пошёл такой разговор, то и у меня к вам, Клим Пантелеевич, вопрос: когда вы поняли, что я имею отношение к смерти этого негодяя?

– Несколько минут назад. Когда вы, достав фляжку, отхлебнули прямо из горлышка и тут же покривились. Было ясно, что вы выпили тот напиток, который не ожидали почувствовать. А когда мне стало ясно, что там находится водка, подозрения усилились. Внешний вид изрядно подержанной фляжки, несмотря на недавнюю дату подарка, говорил о том, что её хозяин любил выпить. А на вас это уж точно не похоже.

– Эх, и зачем я только остался с вами на игру? Вот ушёл бы сразу, выбросил бы эту чёртову флягу, и всё было бы хорошо.

Мильвидский умолк на несколько секунд, а потом сказал:

– Вы спросите меня, как так случилось, что врач, интеллигент, человек добрый и отзывчивый пошёл на преступление? А я отвечу: мне стало обидно, что женщина, с которой я прожил столько лет, не просто мне изменяла, но и за мои деньги дарила подарки пьянице и бабнику. Но даже не это самое ужасное... Страшно, что она ставила меня в один ряд с ним. И писала одни и те же надписи на совершенно одинаковых фляжках. Ну как я мог это вынести? Как? Потому-то я и спланировал убийство мерзавца на глазах мерзавки. А знаете, с каким наслаждением я хлестал его по щекам, когда уже бездыханная голова моталась из стороны в сторону?! Впервые за этот месяц я был счастлив. Да, месяц назад я случайно увидел его фляжку, когда, вернувшись неожиданно из поездки по уездам, пришёл домой. И он был там. Домна сказала, что у дочери расстроилось пианино и она вызвала настройщика. Но она мне врал. Я видел это по глазам. А потом, когда Акулов обувал в передней калоши, у него выпала фляжка. Тогда я всё понял и стал разрабатывать план... Дальше вам всё известно. Что ж, господа, как бы там ни было, но я исполнил всё, что хотел. Простите, что своим присутствием очернил вашу приличную компанию. Если сможете, не поминайте лихом.

Доктор поднялся. Тут же встали все остальные. Поляничко проследовал за врачом.

А за стеной, в большом зале ресторана «Гном», плакала и заливалась скрипка. Густой женский голос надрывно пел о любви.

Знак Сатаны

I

«Зима уже на исходе. Пройдёт ещё пара дней, и наступит последний холодный месяц. А там и весна. Город скинет с себя белое покрывало и, проснувшись, будет казаться серым и неумытым, как уставший солдат в окопе. А потом через месяц-другой приободрится и наденет парадный мундир. Тотчас же запахнет молодой травой, душистой сиренью, запоют скворцы, а высоко в небе беспокойные стрижи начнут вычерчивать латинские литеры: от простых V и L до замысловатых X, Y, Z. Уже в апреле солнце будет греть не только землю, но и души горожан. Только всё это будет позже. А пока Ставрополь укутался в снег, точно в плед, и тихо дремлет, как старый вояка перед камином. Что ему снится? Лихие сабельные атаки под началом доблестного генерала Ермолова? А может, первый бал в Офицерском собрании?.. Временами отставной офицер вздрагивает и просыпается, но опять проваливается в мягкий, как пух, сон. Его будит скрежет фанерных лопат, оббитых для прочности тонкой железной полосой. Снег идёт уже третий день. Дворники в овчинных тулупах и мохнатых шапках трудятся с ночи до утра. Отдохнут немного, попьют чаю и опять примутся за работу. А утром, когда в домах едва затеплятся жёлтые огоньки керосиновых ламп, Николаевский проспект будет прибран и готов к новому дню, как 81-й Самурский пехотный полк к парадному смотру. И даже оконные стёкла под стать городу-крепости, дадут морозу разрисовать себя витиеватыми узорами из былинных народных преданий.

Января 30-го дня 1909 года», – присяжный поверенный Ставропольского окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев отложил дневник, поднялся из-за стола и стал рассматривать улицу.

Неожиданно перед домом остановились сани. Из них выбрался доктор Нижегородцев. По лицу медика было видно, что он чем-то озабочен. Расплатившись с возницей и отряхнув с пальто снег, частнопрактикующий врач шагнул к входной двери. Раздался звонок. Адвокат направился в переднюю, но горничная оказалась проворнее и уже принимала у гостя одежду.

– Простите великодушно, что потревожил вас в субботу, да ещё в полдень. Всем известно, что в это время вы заняты литературными трудами. Однако я уже второй день не могу найти покоя. Тут, знаете ли, странное дело приключилось...

– И не думайте извиняться, мой друг. Пройдёте в кабинет. Там всё и расскажете, и вишнёвой наливочки отведаете, – проговорил Ардашев и, повернувшись к прислуге, велел: – Варвара, нам как всегда: осетинского сыру и вишнёвки, но только той, что приготовлена по рецепту Вероники Альбертовны.

– Так другую и не держим, – развела руками молодая и стройная горничная.

– Вот и хорошо, – отшутился адвокат. – Нам другой и не надобно.

Не успел Нижегородцев усестись в кресло, как на маленьком столике появилось угощение.

Клим Пантелеевич наполнил рюмки и, сделав несколько глотков, отделил вкус наливки кусочком сыра. Доктор выпил разом, точно это была не наливка, а водка, и закусывать не стал.

Промокнув губы салфеткой, Ардашев заметил:

– Вижу, вы и впрямь не на шутку встревожены. Итак, я вас слушаю.

– Вы знали купца первой гильдии Тяглова?

– Это тот, что третьего дня застрелился?

– Он самый. Я тут странную деталь узнал: оказывается, перед смертью негодник снял со счёта в банке всю наличность. А потом пришёл домой и покончил с собой. Те деньги так и не нашлись. В доме, конечно, были ещё ассигнации, но они как лежали в сейфе, так и лежат.

– Может, из-за долгов?

– Да что вы! – доктор даже подпрыгнул в кресле от возмущения. – Это ему все были должны! У него одной недвижимости в городе – дай Бог каждому... Нет, тут что-то другое...

– Простите, Николай Петрович, но для выяснения всяческих подозрений существует полиция, сыскное отделение, возглавляемое Ефимом Андреевичем Поляничко, судебные следователи, в конце концов... Вот они пусть и занимаются выяснением всех обстоятельств смерти. Вы-то чего переживаете? Насколько мне известно, покойный Фёдор Тимофеевич вам ни близким родственником, ни свойственником не приходился. Помнится, и я познакомился с ним за ломберным столиком в Коммерческом клубе.

– Вы правы. Но человек он был в высшей степени порядочный. Такого среди богатого купечества не сыщешь. Не живоглот какой-нибудь, не сквалыга, а меценат, даритель... Ещё до вашего переезда в Ставрополь на его деньги Александровскую больницу для умалишённых построили, да и вашей родной Успенской церкви немало жертвовал. А о приютах для бездомных я уж и не говорю. Не умер бы – всенепременно стал бы почётным гражданином города. Да, в картишки поигрывал, азартен был, но, как говорится, кто не грешил, тот и Богу не маливался.

– Хорошо, – Клим Пантелеевич налил гостю новую порцию наливки и заметил: – Допустим, вы хотите понять причины суицида. Но что вам это даст? Я же читал в «Северокавказском крае», что Фёдор Тимофеевич находился в своём кабинете и, кроме него, жены и одной прислуги, никого другого в доме не было. Даже из короткой газетной заметки ясно, что главный признак самоубийства (оружие рядом с трупом) налицо. Более того, пуля вошла в правый висок. Стало быть, сомнений нет – чистое самоубийство.

Адвокат выпил полрюмки, отправил в рот маленький кусочек сыра и, ожидая ответа, внимательно посмотрел на собеседника. На этот раз врач к наливке не притронулся. Разделяя слова, как обычно делают гимназические учителя, втолковывая непонятливым школярам прописные истины, он принялся объяснять:

– Всё... так... как... вы... сказали, за исключением... некоторых... моментов, а именно: в доме покойного Тяглова стали происходить загадочные и необъяснимые явления, словно там поселилась нечистая сила. Стоит Елене Ивановне заплакать, как вдруг разлетается вдребезги тарелка или звенит окно, будто камешек бросили. А ночью она чувствует, что кто-то спит рядом с ней, но никого не видит. Уж и горничную просила расположиться на ночлег в её спальне, да только та, услышав в полночь тяжёлые шаги на лестнице, вообще сбежала и служить у неё отказалась, даже за расчётом не пришла.

– Ого! «Человек-невидимка» из рассказа Герберта Уэллса поселился на Воробьёвке, – рассмеялся присяжный поверенный. – Ведь там, кажется, находится дом вдовы? Уважаемый доктор, мало того, что вы, будучи врачом, верите всяким небылицам, так ещё их и распространяете. Неужто забыли, историю с «Замком привидений» на Барятинской, 100? Тогда ведь тоже уверяли меня, что в окнах появляется Апраксия, умершая дочь купца Щегловитова, облачённая в подвенечное платье. А что на деле оказалось? Помните?

– Как не помнить, – вздохнул Николай Петрович, – проспорил вам ящик мартелевского коньяку... Но всё-таки, Клим Пантелеевич, не могли бы вы навестить вдову и осмотреть дом. Это даже не я, это Ангелина Тихоновна просит. Они с Еленой Ивановной давно дружат.

Ардашев грустно заметил:

– А вот это, мой друг, запрещённый приём. Знаете ведь, что не могу вашей супругнице отказать... Ладно, так и быть. Схожу завтра на воскресную службу и к одиннадцати навещу вдову. Только извольте известить её об этом сегодня.

– Так я прямо сейчас и отправлюсь домой, – просиял доктор.

– А зачем так спешить? Могли бы и в шахматы партию-другую сыграть.

– Благодарю, но лучше быстрее обрадую Елену Ивановну. Она ждёт не дожждётся моего возвращения.

– Так она у вас, что ли?

– Ну да, – с лёгким оттенком стеснения признался доктор. – С самого утра уговаривала меня, чтобы я к вам съездил. Я было отнекивался, зная ваше отношение ко всякого рода «чертовщине», но потом сдался.

– Ох и выют, скажу я вам, из нас дамы верёвки, и даже не верёвки, а корабельные канаты! – пошутил хозяин дома. – В таком разе поезжайте. Шахматы от нас никуда не денутся.

Проводив Нижегородцева, Клим Пантелеевич вернулся в кабинет, поднял трубку и попросил соединить его с начальником сыскного отделения города. Тот, к счастью, оказался на месте.

– А! Клим Пантелеевич! Рад слышать. Давненько наши тропинки не пересекались, – приветствовал адвоката сыщик. – Чем могу служить?

– Прочитал в газете о самоубийстве купца Тяглова. Дай, думаю, позвоню и узнаю, не левшой ли он был?

– Ай да присяжный поверенный, ай да шутник, – рассмеялся Поляничко. – Думаете, мы лаптем щи хлебаем да телушку огурцом режем? Нет, господа адвокаты, не дожждётесь! Кроме найденного на месте самоубийства браунинга, на правом виске обнаружен чёткий пороховой след, и пуля вышла навывлет. Помещение осмотрено со всей скрупулёзностью: окна на зиму законопачены и никакого потаённого хода, кроме обычного погреба, в доме нет. Имеется лишь парадная дверь и выход в сад, кой на момент убийства был закрыт изнутри на засов. Опросили супругу и горничную. Обе, услышав выстрел, бросились в кабинет и увидели труп. Как понимаете, оснований возбуждать уголовное дело у судебного следователя Леечкина не было, и потому мы дали разрешение на погребение. А что этот заурядный случай так вас волнует? Не утаивайте, поведайте старику, как на исповеди. Иль секрет?

– Нет никакого секрета. Узнал от доктора Нижегородцева, что покойный перед смертью снял в банке всю наличность. Дома жена этих денег не нашла. Остались лишь те, что хранились в сейфе.

– Нам об этом факте известно, но это не наш резон копаться в личных делах самоубийцы. Полиция такими вопросами не занимается. Кто его знает, какие у него были долги или, может, мамзельки высокооплачиваемые имелись? Взял одну красотулю да и осчастливил на всю жизнь. А почему бы и нет?

– А с кассиром беседовали? – не обращая внимания на иронию собеседника, осведомился присяжный поверенный.

– Обижаете! Не только кассира, но и управляющего отделением Волжско-Камского коммерческого банка под протокол опросили. Такие клиенты, как Тяглов, у кассового окошка не стоят. Им наличность приносят с поклоном и кофею предлагают откусать прямо в начальственном кабинете-с.

– И что говорят?

– Да ничего особенного. Заметили, что грустный он был какой-то, подавленный. От угощения отказался. Видать, уже тогда знал, болезный, что руки на себя наложит. Ох, помилуй, Господи, его грешную душу!

– Благодарю вас, Ефим Андреевич.

– Не стоит, Клим Пантелеевич. Уж сколько раз вы меня выручали, скольких душегубцев помогли изловить – одному Всевышнему известно, не считая нас с вами, – хохотнул сыщик и добавил: – А доктору Нижегородцеву передайте: пусть его супружница поменьше ласы точит с госпожой Тягловой. Уж рассуждения у неё слишком фантазийные. Готов спорить на «крас-

ненькую»², что недавно вы встречались с Николаем Петровичем, вот он и попросил вас ввязаться в это дело.

– Ох, смотрю, и агентура у вас!

– А как же! Работаем-с.

– Рад был вас слышать.

– Взаимно.

– Честь имею кланяться.

Адвокат положил трубку. И хотя многое прояснилось, тем не менее после разговора с Поляничко в сердце поселилось неприятное тревожное чувство, известное каждому, кто хоть раз случайно встречал похоронную процессию. Вроде бы и покойного не знаешь и расстраиваться глупо, но душа всё равно печалится, будто понимает, что когда-то и ей придётся отправиться в дальнюю дорогу.

Дабы отвлечься от грустных мыслей, Клим Пантелеевич снял с полки «Пёстрые рассказы» А.П. Чехова и принялся читать.

² Десять рублей (прим. авт.).

II

Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы находилась на северной окраине Ярмарочной площади, за бывшей Тифлисской заставой, охранявшей город от набегов горцев. На её месте теперь высились арочные Тифлиские ворота, открывавшие одноимённый тракт. И белокаменная Успенская церковь, и грандиозные ворота были построены почти одновременно в середине прошлого века.

Дорога от дома № 38 на Николаевском проспекте до церкви занимала пять минут на извозчике или двадцать минут пешком. Но Божий храм привлекал Ардашева не только своей близостью. Восемь лет назад на Успенском кладбище нашёл свой последний приют отец Клима Пантелеевича. И потому каждое воскресенье присяжный поверенный приходил к его могиле. Вот и сейчас, после окончания Божественной литургии, адвокат вновь навестил могилу дорогого ему человека.

Уже на выходе, за каменным забором, он увидел незрячего старика, просившего милостыню. О его слепоте напоминали чёрные круглые очки. Длинная седая борода и изрезанное морщинами лицо, рваный тулуп и потрёпанный треух, перелатанные валенки – всё говорило о тяжкой доле христарадника. Несмотря на жалкий вид, было в старце что-то светлое и доброе.

Присяжный поверенный нащупал в кармане целковый и опустил в медную кружку. Раздался лёгкий звон. Старик поднял голову, снял очки с закопчёнными стёклами и протянул их Ардашеву:

- Это тебе, барин.
- Зачем они мне?
- Не побрезгуй.
- Оставь себе, старик.
- Это не я прошу, это убиенная душа просит.
- О чём ты?
- Возьми, мил человек, хотя бы на время. Вернёшь потом, когда в них нужда отпадёт.

Адвокат пожал плечами, сунул очки в карман пальто, поднял меховой воротник и махнул извозчику.

Не прошло и четверти часа, как сани остановились у большого каменного дома на Воробьёвке.

Клим Пантелеевич покрутил ручку механического звонка. Через несколько секунд дверь отворилась. На пороге появилась не лишённая красоты дама в траурном платье лет двадцати семи.

- Позвольте представиться...
- Да-да, я вас знаю, – перебила хозяйка. – Мы знакомы через доктора Нижегородцева. Я была на ваших процессах в окружном суде. Проходите, пожалуйста.
- Благодарю.
- Одежду можно повесить на вешалку. К сожалению, горничная сбежала, а новую прислугу пока найти не удаётся. О доме пошла дурная молва. Я, признаться, и сама боюсь тут находиться, но что делать? Нельзя же всё так взять и бросить.
- Хотелось бы осмотреть кабинет вашего покойного мужа. И ещё, Елена Ивановна, не могли бы вы рассказать, как всё произошло? То есть, где находились вы в тот момент, когда прозвучал выстрел?
- В этом кресле, – показала она рукой. – Сидела читала книгу. Потом хлопок... Я сразу поняла, что это был браунинг. Муж учил меня стрелять. Мы как-то тренировались в Архиерейском лесу... Я тотчас забежала к нему. – Голос вдовы задрожал, и по щеке покатилась жемчуж-

ная слезинка. Она тут же спохватилась, смахнула её рукой, перевела дыхание и продолжила: – Он сидел в кресле с повёрнутой влево головой. Руки свисали, и пистолет лежал на ковре.

– Что ж, давайте зайдём.

Клим Пантелеевич открыл дверь. Прямо перед ним стоял письменный стол из красного дерева. На полке книжного шкафа мирно дремал большой рыжий кот.

– А где кресло? – поинтересовался адвокат.

– Велела выбросить, как и ковёр. Всё было залито кровью.

Ардашев кивнул и, разглядывая стол, осведомился:

– Тут всё так, как было в тот день? Или тоже навели порядок?

– Я ничего не трогала, кроме портсигара. С ним удивительные вещи происходят: помню, лежал здесь на столе, а потом вдруг исчез и очутился в шкафу среди белья. Я только подумала, что надобно его рассмотреть получше, как он вновь пропал. Часа через два обнаружила его под кроватью. Но доставать не стала. Пусть, думаю, там и лежит.

– Позвольте на него взглянуть?

– Сейчас принесу.

Госпожа Тяглова вернулась быстро. В руках она держала золотой портсигар, напоминающий книжицу с обложкой, щедро усыпанной драгоценными камнями: изумрудами, рубинами и бриллиантами.

– Представляете, захожу в спальню, а он – на моей тумбочке. Словно сам в руки просится, – выговорила изумлённая женщина и передала портсигар.

– Какая филигранная работа!

Клим Пантелеевич надавил на едва заметную кнопку, и две половинки открылись. Его взору предстала удивительная картина: чёрная эмаль, покрывавшая гильошированную поверхность, образовывала бесконечное количество мелких чешуек. Ближе к середине их цвет постепенно приобретал красный оттенок. Но стоило на внутреннюю часть крышки попасть солнечному лучу, как прямо по центру начал проявляться кроваво-красный круг, в котором можно было различить перевёрнутую звезду. Рассмотреть, что же было изображено внутри, мешала последняя папироса, делившая нижнюю часть портсигара пополам. Адвокат уже дотронулся до неё пальцами, чтобы вынуть, как вдруг почувствовал, что у него из-под ног уходит земля и перед глазами поплыли круги. Внезапно раздалось шипение, и ещё недавно спокойно спящий кот прыгнул прямо ему на грудь. От неожиданности присяжный поверенный выронил портсигар на ковёр. Его крышка захлопнулась, и рыжая бестия, довольно проурчав, тут же исчезла за дверью.

– Вам плохо? – испуганным голосом спросила вдова.

– Простите, что-то голова закружилась.

– Нет, это вы уж меня простите за Шамана. Сама не знаю, что с ним приключилось. Спал себе спокойно, а потом вдруг, точно ужаленный, на вас бросился. С ним никогда такого не было. Вообще-то он смирный у нас, вернее, у меня... я-то теперь одна, – и вдова зарыдала. Тотчас же по дому пронёсся гул, и печная заслонка упала на пол.

Елена Ивановна быстро вытерла кружевным платочком слёзы и примолкла. А потом тихо вымолвила:

– Слышали? Стоит мне заплакать, и сразу в доме что-то случается: то посуда бьётся, то в печных трубах гудит, а теперь вот сами видели...

Клим Пантелеевич поднял портсигар и положил на стол. Задумавшись на несколько секунд, он сказал:

– Я кое-что забыл в пальто.

Когда адвокат появился, он надел тёмные очки и вновь открыл портсигар. Достав единственную папиросу, Ардашев принялся разглядывать внутренний рисунок. Потом защёлкнул крышку и передал дорожную вещь хозяйке.

– Уберите его от греха подальше. Не дай Бог пропадёт ещё.

– Я замкну его в ящике стола. Так будет надёжней... Могу я задать вам один вопрос?

– Извольте.

– Скажите, появились ли у вас какие-нибудь соображения в отношении самоубийства и пропавших денег? Мне кажется, что эти события связаны.

– Действительно, в смерти вашего мужа много странного и, на первый взгляд, необъяснимого. Чтобы всё понять, мне нужно время. Я никогда не высказываю гипотезы. Это удел гадалок. Не обессудьте. Надеюсь, моё расследование не продлится долго. О его результатах вас известит доктор Нижегородцев, – убирая очки, проговорил Ардашев.

– Я вам бесконечно благодарна за то, что вы всё-таки взялись за расследование. Вот возьмите деньги, – проговорила вдова и протянула толстую пачку ассигнаций.

– Денег я не возьму, поскольку помочь вам меня просил мой друг доктор Нижегородцев. Да и благодарить меня пока не за что. Честь имею. Ещё раз примите мои искренние соболезнования.

Слегка поклонившись, присяжный поверенный проследовал в переднюю, а затем и на улицу. Свободный извозчик стоял рядом с домом.

Уже в санях адвокат решил навестить здешнего мастера по изготовлению экслибрисов. Его контора располагалась на Хопёрской улице.

Присяжный поверенный достал коробочку любимого монпансье «Георг Ландрин» и отправил в рот зелёную конфетку.

А снег всё падал, и посыпанные песком тротуары снова обретали зимний вид. Перед глазами мелькали одноэтажные дома Александровской улицы. На крыше особняка гласного думы Черкасова сидел ворон и грозно каркал. «Плохая примета. Значит, в доме скоро будет гроб», – пронеслась шальная мысль, извлечённая памятью из далёкого детства. «Нет, так не пойдёт. Что-то я совсем раскис. Нужно выкинуть из головы всякие вздорные небылицы. Мир материален, и, стало быть, всё поддаётся логическому объяснению. Что же касается самого дела, то, надо признать, я запутался в его лабиринтах», – подумал он как раз в тот момент, когда извозчик остановил лошадь у конторы изготовителя экслибрисов.

III

Арсений Самсонович Сорокодумов уже перешагнул пятый десяток и был отмечен как полнотой, так и сединами. Будучи художником, он славился не только мастерством изготовления книжных знаков. Талант сего мужа простирался шире. Не имея исторического образования, мастер экслибрисов собирал всевозможные легенды и небылицы ставропольской истории, которые потом приправлял собственной фантазией и выдавал за достоверные факты. Проверять его сведения не удосуживались, и потому многие горожане, пожимая плечами, с ним соглашались. Но одного молчаливого согласия обывателей «краеведу», имеющему, кстати, весьма интеллигентный вид (бородка клинышком, усики пирамидкой), было мало. И вот тогда, чтобы потешить своё тщеславие, Арсений Самсонович отправлялся в редакции газет. Заголовки статей, отпечатанные на стародавнем «Ремингтоне» первого выпуска, всегда заканчивались восклицательным знаком. К тому же они не только звучали сенсационно, но и буквы шли волнами из-за расшатанных рычажков и дребезжащей каретки. Звучали они примерно так: «Ставрополь основали масоны!», «Александр Македонский дошёл до Александровского уезда!», «Под Ставрополем находятся истинные Столбы Птолемея!», «Ставрополь – родина ископаемого целакантуса!» и проч. и проч.

В кабинет редактора он не заходил, а влетал, точно ракета, и, достав из потрёпанного портфеля стопку новых «открытий», тряс ими перед глазами газетчика и выкрикивал заголовки один за другим. Его быстро усаживали, давали выпить стакан воды и обязывались «непременно посмотреть материал». Довольный полученным обещанием, он покидал одну газету и на всякий случай заходил в другую, потом в третью, где всё повторялось сначала, благо недостатка в копиях не было.

Газетная илиада Сорокодумова кончилась, когда все три ставропольских ежедневных издания почти одновременно напечатали его статью «Анархист-бомбист целый год работал шашлычником в “Калужском подворье!”». Тут уже «камень» был брошен не в огород, а прямо в форточку жандармского ротмистра Фаворского, надзирающего за политическим спокойствием губернии. В тот же день Сорокодумов вместе с трясущимися от страха редакторами был доставлен угрюмым городовым на допрос в жандармское отделение и допрошен.

Дело, конечно, вскоре уладили. Арсений Самсонович чистосердечно признался в художественном вымысле статьи, а газеты опубликовали опровержение. Но редакторы с тех пор его больше не печатали и при встрече не раскланивались. Неудивительно, что интерес к истории Ставропольской губернии у «краеведа» тотчас же пропал.

Однако художник не был бы художником, если бы не нашёл новое увлечение. Теперь он принялся постигать тайны халдейской астрологии, персидской магии, древнеегипетской алхимии, что в сочетании с древнегреческой философией привело к овладению герметизмом, хотя и весьма поверхностным. Всего через месяц усиленного чтения старинных трактатов, дополненных книгами мадам Блаватской, он уже бойко предсказывал молодым купчихам день смерти их старых и опостылевших мужей. А к концу года с умным видом советовал им, какие акции «лучше-с покупать на бирже», чтобы иметь «наивысший профит-с» к тому дню, когда по покойному мужу будут служить панихиду. Поскольку обе даты он отодвигал на несколько лет вперёд, то его прогнозами были довольны все. Жёны негоциантов скупали ценные бумаги и крутили романы с молодыми семинаристами, а мужья продолжали здравствовать и наживать семейный капитал. Все были довольны, но больше других, конечно, радовался Сорокодумов. Изготовление экслибрисов превратилось в прикрытое основное занятие колдуна и оракула. Только вот незадача: тайная жизнь художника, краеведа и мага открылась присяжному поверенному ещё в прошлом году, когда Ардашев расследовал дело «Бубнового короля», и Арсе-

ний Самсонович об этом знал. А потому относился к адвокату с таким же почтительно-подобострастным уважением, как и к суровому жандармскому ротмистру.

– Клим Пантелеевич! Милости, как говорится, прошу к нашему шалашу! – расплылся в сахарной улыбке Сорокодумов. – Вы одежду-то снимайте и на вешалочку... Ага, вот так... Давайте я вам помогу. Ну вот... Присаживайтесь. Чайку-с?

– Пожалуй.

– Вот и ладненько-с. Сейчас распоряжусь. Самовар, как всегда, на подогреве.

Художник вышел на несколько минут и вернулся. Позади с подносом шествовал приказчик. На столике оказалось два стакана чая в массивных бронзовых подстаканниках, вазочка с конфетами фабрики «Эйнем» и бутылка хорошего кубинского рому.

– Вижу, дела у вас всё лучше и лучше, – кивая на алкоголь, с лёгкой улыбкой заметил Ардашев.

– Работаем-с, как рабы на галерах. Вам рому добавить?

– Совсем чуть-чуть... Благодарю. Тут вот какое дело, Арсений Самсонович, – начал адвокат, – столкнулся я с одним непонятным явлением: оказался у меня в руках золотой портсигар, снаружи украшенный драгоценными камнями. С виду напоминал миниатюрную книгу. Когда я открыл его, то на гильошированной поверхности увидел удивительный рисунок. Чёрная эмаль состояла из бесконечного количества мелких чешуек, которые ближе к центру становились почти красными. И вот тут, в свете солнечного луча, проявился красный круг, а в нём некое подобие пятиконечной перевёрнутой звезды. Но рассмотреть всё изображение я не мог из-за папиросы, которая его закрывала. Стоило мне попытаться её вынуть, как я почувствовал, что у меня кружится голова. В этот момент хозяйский кот, спавший до того на полке книжного шкафа, прыгнул мне на грудь, и портсигар выпал. Мне сразу полегчало. Потом я надел тёмные очки и уже спокойно рассмотрел тот узор. В кругу была изображена козья голова с четырьмя рогами. Это знак Сатаны. Как бы вы с точки зрения магии объяснили внезапное расстройство моего здоровья?

Сорокодумов молчал. Он застыл, будто его приморозили к стулу. Затем покрутил головой, словно проверяя, надёжно ли закреплена шея, часто заморгал и дрожащим голосом спросил:

– Где находится этот портсигар? Умоляю вас, скажите! Я отдам за него любые деньги.

– Эта вещь моего клиента. Стало быть, её нахождение – адвокатская тайна. Уж не обессудьте. И всё-таки я хотел бы услышать ваш рассказ, – Ардашев сделал несколько глотков чая и поставил стакан.

– Извольте, – Сорокодумов достал платок, вытер со лба капли выступившего пота и принялся рассказывать: – Во-первых, сегодня вас спасло чудо и этот день можете отмечать как свой второй день рождения; во-вторых, гильоширование, то есть нанесение резцом канавок на металлическую часть изделия, образующих кольца, появилось лет сто пятьдесят назад. Надо сказать, что это чисто европейское изобретение, и потому давным-давно придумали различные станки, обеспечивающие весь процесс. Почти сразу научились заливать гильошированный узор эмалью, которая может иметь совершенно разные оттенки. В одной магической книге я нашёл упоминание о ювелире, который в конце XVIII века задумал создать рисунок, обладающий магическим действием из-за определённого сочетания цветов эмали, положенной на гильош. Он понимал, что выполнить это без помощи из потустороннего мира не удастся. И вызвал Сатану. Нечистый явился к нему в виде своего же изображения на изделии. С тех пор мастер и князь тьмы стали неразлучны. Любой другой человек, который хотя бы на три секунды задерживал взгляд на цветном изображении искусителя, становился рабом мастера. Его воля полностью подавлялась благодаря тому, что в его душу проникал Сатана. И через Сатану мастер мог приказывать бедолаге всё, что заблагорассудится. Единственное исключение составляли дальтоники и те, кто, как и вы, пользовались тёмными очками. Только они и

оставались неподвластными Люциферу. Это была единственная вещица, созданная тем ювелиром. Дьявол вечен, а человек нет. Мастер умер, и с тех пор портсигар передаётся по наследству среди членов одной семьи, в которой всегда рождаются дальтоники. – Художник помолчал немного и грустно заключил: – Получается, что ваш клиент либо слуга повелителя бесов, либо его жертва. Вам же, Клим Пантелеевич, просто повезло, что кот выбил из ваших рук эту драгоценную и такую опасную штуковину. А потом вы, будучи умным человеком, поступили очень правильно, что воспользовались тёмными очками.

– Да, в такое трудно поверить.

– А вас никто и не заставляет в это верить, – безразлично вымолвил художник и, налив в чайный стакан приличную порцию рома не торопясь выпил всё содержимое. Потом поставил стакан на стол и, глядя в глаза присяжному поверенному, спросил: – Если кто-то верит в Господа и обращается к нему в своих молитвах, моля об исцелении, помощи и хорошем урожае, то почему другой человек не может просить Сатану о чём-то греховном? О прелюбодеянии, богатстве, о чьей-то смерти? Ведь в мире всё должно уравниваться: белое с чёрным, хорошее с плохим. Разве я не прав?

Но Ардашев уже не слушал собеседника, а думал о чём-то своём, но вдруг спросил:

– Простите, Арсений Самсонович, у вас есть телефон?

– На столике.

– Позвольте, я им воспользуюсь? Мне нужно сделать важный звонок.

– Безусловно, – кивнул художник и без большой охоты покинул комнату.

Присяжный поверенный поднял трубку:

– Будьте любезны соединить меня с домом купца Тяглова. Номер, к сожалению, я не знаю.

Через несколько секунд на проводе уже была вдова.

– Елена Ивановна, это Ардашев. До окончания моего расследования я бы хотел попросить вас ни в коем случае не открывать портсигар.

– Но я его уже продала.

– Как? Кому?

– Не успели вы уехать, как ко мне наведлся один господин. Он сказал, что мой покойный муж выиграл портсигар в карты в Купеческом клубе. А это был подарок его жены на двадцатипятилетие их венчания. Он предложил выкупить за десять тысяч рублей, и я не могла отказать. Правда, насилие его нашла. Представляете, он исчез из замкнутого ящика стола и оказался совсем в другом месте, будто кто-то невидимый его спрятал.

– А как выглядел этот человек?

– Солидный, с роскошными усами, без бороды. Очень любезный. Лет сорок – сорок пять. Слегка полноват.

– Деньги отдал сразу?

– Да.

– Благодарю вас. До свидания.

Не успел Ардашев положить трубку на рычаг, как в дверях возник Сорокодумов. Покусывая от волнения губы, он спросил:

– Ну что? Уплыла вещица? Дождались?!

– Никак подслушивали? – одеваясь, осведомился адвокат.

– Виноват, но удержаться было невозможно-с.

– Как вам не совестно, Сорокодумов? А я считал, что у вас ещё остались хоть какие-то черты, присущие честному человеку.

– И куда же вы теперь? – с ехидной улыбкой спросил мастер экслибриса.

– Сначала заеду в сыскную полицию и расскажу Ефиму Андреевичу Поляничко о ваших мошеннических проделках с купеческими жёнами. Они, насколько мне известно, с вами-то и расплачиваются высоколиквидными акциями, кои вы им советуете покупать, так ведь? После

полицейского управления загляну в Коммерческий клуб, – запахивая шарф в полы пальто, продолжал Ардашев. – И в тот момент, когда вы уже будете томиться в холодной камере со славными представителями уголовного мира (конокрадами, насильниками и полусумасшедшими убийцами), закажу себе рюмку водки и расстегай с визигой и налимьей печёнкой. А чтобы совсем забыть о вашем существовании, сыграю партию на бильярде. Как вам мой план?

– Вы ни-икогда этого не сделае-ете, – начал заикаться художник, и на заплывшей жиром шее проявился кадык. – Вы же порядочный челове-ек!

– Именно это меня и погубит, – открывая входную дверь, со вздохом вымолвил Клим Пантелеевич. – Счастливо оставаться. Бог вам судья.

IV

Прошло уже два дня, а план поимки злодея так пока и не сработал. Ардашев сидел в кресле и рассматривал корешки книг. Ни писать, ни читать не хотелось. И хоть внешне он был спокоен, но его одолевали мрачные мысли: «Вот же связался я с этой дьявольщиной! Попробуй примени тут законы логики... Ну хорошо, Сатана Сатаной, но действует обычный злоумышленник. Его-то я должен обставить? К тому же у меня есть три преимущества: во-первых, преступник уверен в своей безнаказанности и абсолютной неуязвимости, а значит, его легче застать врасплох; во-вторых, я осведомлён о его секрете и в-третьих, капкан расставлен и приманка готова. Осталось лишь дожидаться, когда в сторону хищника подует ветер, и он учует запах добычи».

Из раздумий вывела трель телефонного звонка из соседней комнаты. В дверь постучали.

– Войдите.

– Господин Поляничко звонят. Просят вас, – как всегда, ангельским голоском пролепетала горничная.

Ардашев прошёл в гостиную и взял трубку.

– День добрый, Ефим Андреевич... Слушаю... Значит, в Ростове... понятно... Екатеринодаре... и даже Пятигорске? Так-так... Благодарю вас... Взаимно. До свидания.

«Стало быть, мои подозрения подтвердились», – подумал адвокат и, достав коробочку монпансье, выбрал красную конфетку. – Ждать осталось недолго».

А вечером, когда большие напольные часы пробили восемь, раздался второй телефонный звонок, теперь уже из Коммерческого клуба. Звонил знакомый лакей.

Утром следующего дня присяжный поверенный вновь заехал в полицейское управление и уже оттуда – в Волжско-Камский коммерческий банк.

V

– Простите, что вам надобно, сударь? Вы хотите стать нашим вкладчиком? Я смотрю, вы с саквояжем...

– Не совсем так, господин управляющий, – проговорил солидный мужчина с бритым подбородком и роскошными усами. – Если помните, мы вчера с вами играли в карты в Коммерческом клубе. К сожалению, я проигрался. И даже самая дорогая вещь, доставшаяся мне в наследство от любимого деда, – портсигар – теперь не моя, а ваша.

– Ах да, припоминаю. Однако вас никто не неволил. Действительно, вещь интересная, старинная – настоящее произведение искусства. Увы, теперь такие уже не делают.

– Он при вас?

– А в чём, собственно, дело?

– Да так, сущий пустяк. Вы его уже рассматривали?

– Не особенно. Не успел даже вложить папиросы.

– А вы посмотрите. Там внутри есть очень интересное изображение.

– Одну минуту. Так... достал, и что я должен здесь узреть?

– В центре круг, видите?

– Да.

– А что внутри него?

– Непонятно. Какой-то козёл четырёхрогий. А почему вы меня об этом спрашиваете?..

Погодите, что-то мне плохо... голова закружилась, ох... Подождите...

– А ждать больше и не надо. Выполняйте мои команды.

– Слушаюсь.

– Выпишите мне вексель вашего банка на сто тысяч рублей.

– Хорошо... Извольте.

– Теперь принесите.

– Сей момент.

– А что в сейфе?

– Деньги, ценные бумаги...

– Положите их в этот саквояж.

– Да-да.

– Отдайте мне.

– Вот получите, сударь.

– А вечером, когда придёте домой, разбавьте в кружке цианистый калий и выпейте. Ясно?

– Но у меня нет цианистого калия.

– Так купите в аптеке.

– Не смею ослушаться.

– И не забудьте передать привет архангелу Гавриилу.

– Так точно-с, передам. А от кого-с?

– Неважно. Да... и портсигар верните.

Неожиданно распахнулась боковая дверь, и появился начальник сыскного отделения Ефим Андреевич Поляничко. В руке у полицейского был наган. Следом вышел Ардашев. Управляющий застыл на месте, как приклеенный.

– Не торопись, любезный, – спокойно выговорил сыщик.

– Кто вы такой? И по какому праву вы смее так со мной разговаривать?

– Перестаньте разыгрывать комедию, сударь, – вмешался в разговор Ардашев. – Вы только что пытались воздействовать на психику господина управляющего банком посредством этого самого портсигара, точнее, изображения знака дьявола, которое находится на внутренней

части правой крышки. Кому, как не вам, известно, что стоит поймать зрением эти разноцветные, покрытые эмалью гильошированные узоры секунды на три, как человек полностью теряет волю и становится рабом ваших желаний. Именно так вы расправились со своими жертвами в Екатеринодаре, Ростове, Пятигорске и Ставрополе, предварительно получив с потерпевших векселя, наличность и драгоценности. Смерть купца Тяглова – на вашей совести. Вы намеренно проигрывали жертвам портсигар, а потом, выждав день-два, являлись к ним. Если несчастный сам до этого не рассматривал свой карточный трофей и не разглядывал знак дьявола, то тогда вы, как мы только что видели, добивались этого. Чаще всего вы сразу же забирали эту вещь назад, но иногда приходилось навещать скорбящих родственников и выкупать орудие преступления уже после смерти жертв.

– Что за бред вы несёте? Какой знак? Какого дьявола? Какие три секунды? – расхохотался незнакомец. – Если верить вашим словам, то тогда и я должен превратиться в послужное орудие Сатаны, так? Вы сказали «три секунды»? Что ж, давайте проверим. – С этими словами он раскрыл портсигар, уставился на внутреннее изображение и стал громко считать: – Раз, два, три, четыре... – Только не успел злоумышленник произнести следующую цифру, как резко открылась и ударилась о стену не заклеенная на зиму форточка.

– Я вижу... вижу цвета: красный, чёрный, синий... – незнакомец выронил портсигар, опустился на колени и, ползая по персидскому ковру, приговаривал: – Какая красота! Цветочки, ромбики, кружочки...

Управляющий Малороссов подошёл к столу, налил полный стакан воды и, выпив жадными глотками, сел в своё кресло.

– Что с ним? – спросил Ардашев.

– Похоже, сошёл с ума, – предположил управляющий.

– Так вы же не сошли, хотя тоже цвета не различаете, – засомневался Поляничко.

– Позволю предположить, что к нему внезапно вернулось полное зрение, и он стал жертвой собственного преступления, – высказался адвокат.

– Странно как-то получается – «вернулось полное зрение», – глядя на ползающего по ковру господина, проронил начальник сыскного отделения. – Но ведь кто-то должен был этому поспешествовать? И кто же?

– Нам не дано знать, – глубокомысленно изрёк банкир.

– Ладно, – Поляничко спрятал оружие и подобрал портсигар. Затем, склонившись над преступником велел:

– Поднимайтесь, сударь, поедem в Александровскую больницу для безумцев.

Незнакомец смиренно поднялся, и на его руках тут же захлопнулись малые ручные цепочки.

– Господа, покорно благодарю за помощь, – поднявшись из-за стола, проговорил Малороссов.

– А с ролью вы справились отменно. Можно в театре играть, – усмехнулся старый полициант. – Только заждались мы в той комнате. Я уже думал, что он к вам и не явится. Хитрый, бестия! Записался на одно время, а пришёл двумя часами позже. Видать, осторожничал.

– Но позвольте спросить: нельзя ли мне вернуть вещь?

– Какую? – не понял Поляничко.

– Мой портсигар. Я его выиграл в честной игре.

– На настоящий момент это орудие преступления, а стало быть, вещественное доказательство. И потому подлежит изъятию.

– Тогда я с полицмейстером поговорю...

– А это уж как душе угодно. Мы люди маленькие, начальству подчинённые.

– Ещё раз спасибо, господа. Всего доброго!

Покинув кабинет и уже спускаясь по отделанной мрамором лестнице вслед за задержанным, который то и дело вертел головой, называя разные цвета, Ардашев спросил:

– А может, выбросить чёртово изделие в Архиерейский пруд, да и дело с концом? Как думаете, Ефим Андреевич? А то ведь, кто знает, что банкиру на ум придёт? Сам-то он дальтоник. Да и знает теперь, как портсигар использовать. Глядишь, и начнёт промышлять. Денег-то много не бывает.

– Ох, Клим Пантелеевич, вы прямо мои мысли читаете... Только не поверит мне начальство. Скажут, мол, присвоил. Вещь драгоценная, как шапка Мономаха. Ещё под суд отдадут. Нет, так поступить я не могу. Пусть сами решают.

– Да, ситуация, – согласился Ардашев.

Полицейская пролётка стояла неподалёку, но присяжный поверенный отказался ехать и пошёл пешком.

Мороз усилился ещё ночью, и выпавший второго дня снег искрился, как мелкий бриллиант на солнце. Сани с возницами, торопящиеся куда-то люди, застывшие под снегом деревья, яркое, но холодное солнце – словом, настоящая русская зима проносилась мимо Ардашева и не прибавляла ему радости. Клим Пантелеевич пытался объяснить самому себе природу явлений, свидетелем которых он только что был, но ничего не получалось. Не помогала ни привычная дедукция, ни знание криминалистики. И от этого бессилия портилось настроение. Подобного в его практике ещё не случалось.

Вдруг впереди он увидел того самого старика с седой бородой, которому недавно у Успенской церкви пожаловал целковый. Нищий сидел у двери почтамта с той же самой медной кружкой, а на глазах виднелась чёрная повязка.

Присяжный поверенный вынул очки, достал из бумажника «красненькую» и сказал:

– Спасибо тебе, старик. Вот, возвращаю очки. А это на помин той самой убиенной души.

– Упокоилась она небесах, – тихо вымолвил христардник, склонил в благодарности голову и перекрестился.

Адвокат зашагал дальше. Уже на углу Почтовой и Александровской он оглянулся – старика нигде не было.

VI

В пятницу к Ардашеву наведлся доктор Нижегородцев. Он рассказал, что к вдове Тягловой вернулось долгожданное спокойствие и жизнь снова вошла в привычное русло. Воротилась и горничная. Посуда биться перестала, печной гул пропал, и прочие непонятные явления навсегда покинули дом. Она просила передать, что чувствует себя обязанной присяжному поверенному и шлёт поклоны.

Арестованный злодей так и не обрёл здравый рассудок. Находясь в психиатрической лечебнице, он целыми днями разглядывает разнообразные предметы и, указывая на них, то и дело восклицает: «Это красный цвет, это зелёный, а это жёлтый...»

Управляющий Ставропольским отделением Волжско-Камского коммерческого банка Малороссов, получив от полицмейстера свой портсигар, на следующий день неожиданно уехал из города. Бросил банк и жену. Где он теперь, никто не знает...

Убийство на Васильев вечер

*Выражаю искреннюю благодарность старому другу – д. м. н.
Долгалеvu А. А.*

*Ядовитым и жгучим назову я жало ахреба,
Ядовитее его лишь жгучий язык клеветника.
Арабская поговорка*

I

30 декабря 1908 года

Ставрополь уже отметил Рождество и теперь ждал прихода нового, 1909 года. Горожане ещё не устали от праздника. Днями они посещали рождественскую ярмарку, лавки и магазины Николаевского проспекта, где скупали всевозможные продукты, в особенности не забывая молочных поросят, без которых вечер 31 декабря, именуемый Васильевым (в честь святого Василия Кесарийского), был не вечер. Казалось, что и достаток в новом году не появится в том доме, где хозяин не накроет богатый стол и не угостит всех родственников и друзей, зашедших в гости. Недаром в народе говорили: «Свинку да боровка припасай для Васильева вечерка». Другой весьма приметной особенностью Васильева дня было гадание. Народ говаривал, что всё нагаданное на вечер 31 декабря – сбудется. И погоду примечали. Не зря местные старики учили: «Если на Василия ветер дует с юга – год будет богатый; с востока – повезёт с урожаем фруктов, овощей да ягод; с запада – рыбы будут полные сети, а молока – полные крынки». «Вьюга будет – орехов полные корзины», «если тепло и без снега – к неурожаю и хворям, да и северный ветер – к беде, разрухе и голоду». А старая ворожея Кулешиха, помнившая ещё времена, когда казаки бились с горцами у стен крепости, а сам город состоял из казачьей станицы да десятка улиц, вещала детворе, что «на Василия ведьмы крадут месяц, чтобы он не освещал их ночных прогулок с нечистыми духами». Её слушали, крестились истово и уходили, не оглядываясь, подозревая, что и сама она по ночам летает на метле.

Едва только город погружался во власть фотогеновых, газовых, а кое-где и дуговых фонарей, наступала вторая часть уходящего дня – застолье и развлечения. Кто беднее – оставался дома или навещал родственников, а кто побогаче – хаживал по трактирам, ресторанам, кафе-шантанам и театрам. Правда, надо признаться, что синематограф любили все: крестьяне, приехавшие в город продать свой товар, мещанское сословие, интеллигенция, военные, чиновники. И даже сам... хозяин губернии не раз был замечен публикой в «Солее». Синематограф покорил всех, благо и цена на билеты была на любую толщину кошелька: от трёх рублей за ложу на четверых в «Биоскопе» до гривенника за место на лавке в «Синематографе Парфиняно».

Не стала исключением из общего правила и семья Клима Пантелеевича Ардашева – присыжного поверенного Ставропольского окружного суда, вернувшегося в город своего детства полгода назад.

Этот день адвокат вознамерился целиком посвятить супруге – Веронике Альбертовне, и потому с самого утра чета отправилась за покупками. К пяти часам пополудни горничная Варвара уже дважды нанимала извозчика, и сани, доверху гружённые коробками и свёртками, отсылались домой – на Николаевский проспект, 38, в большой одноэтажный особняк с причудливой стеклянной дверью в виде огромной замочной скважины.

Чего греха таить, денег для своей половины Клим Пантелеевич не жалел. И не только потому, что доходы позволяли, а главным образом оттого, что супружница, сменившая ещё

в июне привычный Санкт-Петербург на провинциальный Ставрополь, с трудом привыкала к тихой и спокойной жизни южного патриархального городка, который хоть и был губернской столицей, но на самом деле больше походил на уездный город. Нет, тут, как и положено, присутствовали все атрибуты губернии, начиная от дворянского собрания и заканчивая театром, но сам городишко можно было проехать на извозчике из конца в конец за каких-нибудь полчаса, а при хорошей паре гнедых или чалых – всего за четверть часа.

Ещё недавно Ардашев – коллежский советник, чиновник по особым поручениям МИД России, а потом и начальник Азиатского департамента – проводил в тайных заграничных командировках немало времени, но всегда возвращался живым и здоровым. На счету сорокалетнего рыцаря плаща и кинжала было достаточно успехов: создание агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде), вербовка высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели и получение турецко-английского плана блокирования проливов Босфор и Дарданеллы.

Жизнь бросала Ардашева, как девятый вал, и в 1905 году, вернувшись в Одессу из заграничной командировки на борту греческого судна с документами на имя австро-венгерского подданного, тайный посланник Российской империи привёз с собой не только тяжёлую форму тропической лихорадки, но и сквозное ранение обеих ног. Это был результат очень опасной операции по перехвату личного послания премьер-министра Великобритании Артура Бальфура представителю Соединённого Королевства на ожидаемых российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии.

Пули задели и мышцы, и суставы. После трёх перенесённых операций диагноз врачей был неутешителен: передвигаться начальник Азиатского департамента МИД России сможет только с помощью пары костылей. К глубочайшему сожалению, о выполнении деликатных поручений за границей не могло быть и речи.

По особому соизволению государя коллежский советник Ардашев получил из рук Николая Александровича золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», орден Владимира IV степени с бантом, а также единовременную денежную выплату в сто тысяч рублей. От любезно предложенной ему преподавательской работы на кафедре восточных языков при учебном отделении Министерства иностранных дел он отказался и вышел в отставку.

Рассудив здраво, Клим Пантелеевич пришёл к глубокомысленному заключению, что на тот момент закончилась только первая фаза его жизни, а новая может стать не менее интересной и захватывающей. Надо только принять правильные решения.

Прежде всего, следовало самостоятельно разработать методику лечения повреждённых суставов и начать их тренировку.

Не стоило также забывать, что оставались так и не оконченные два курса Петербургского университета, где юный и полный энергии студент постигал основы юридических наук, пока не увлёкся персидским и турецким языками. Внезапный интерес к Востоку и заставил бросить юридическое поприще, перейдя на факультет востоковедения, который он успешно окончил. Вот тогда-то и пригласили молодого выпускника на неведомую ему работу в недавно организованный специальный отдел при внешнеполитическом ведомстве Российской империи. Но всё это было в прошлом. Теперь следовало экстерном окончить факультет правоведения и потом, минуя обязательный пятилетний срок работы помощником присяжного поверенного, стать адвокатом. Если выполнение первого условия зависело всецело от Клим Пантелеевича, то второе казалось нереальным. Это правило никогда не нарушалось. Никогда до Ардашева. Потребовалось личное вмешательство его бывшего начальника, принца Ольденбургского, чтобы министр юстиции Щегловитов издал особое распоряжение, по которому Ардашев мог заняться адвокатской практикой уже в 1907 году.

Между тем предстояло решить, где пройдёт эта вторая часть его жизни. Ответ напрашивался сам собой: в тихом, сытом и солнечном, раскинувшемся на возвышенности в окружении лесов и бескрайних степей городе. Там, где прошло его детство и юность, в Ставрополе.

Для Вероники Альбертовны переезд в Ставрополь был не просто переменой места жительства, а трагедией. Здесь не устраивало буквально всё. И даже новый особняк в самом центре, с молодым садом и родниками, не радовал душу.

Отбоя от клиентов у столичного адвоката не было. Он занялся практикой по уголовным делам. Особенностью его работы было то, что Ардашев соглашался представлять интересы только тех подсудимых, в чьей невиновности был абсолютно уверен. Отсюда и метод защиты – отыскивание настоящего преступника. Только за полтора года ему удалось раскрыть более десятка злодеяний, оправдав тем самым своих подзащитных. Полицейстер, начальник сыскного отделения, судебные следователи города и товарищ прокурора, участвовавший в судебных заседаниях, чувствовали себя посрамлёнными после каждого вердикта присяжных заседателей о полной невиновности клиентов Ардашева.

После блестящего раскрытия таинственного убийства директора московского отделения Торгового дома Бушерон господина Жоржа Делавинь и его двадцатилетнего сына Людовика «Московский листок» поместил фотографический снимок Клима Пантелеевича с подробным описанием истории расследования этого запутанного дела. Через неделю ту же статью перепечатала парижская *Le Figaro*, и слава адвоката Ардашева перешагнула границы империи. Гоногарты выросли. Достаток, искренняя любовь и уважение – это всё, что мог дать Клим Пантелеевич супруге. Но ей хотелось большего. Веронику тянуло в столицу – к дворцам, балам и приёмам. Видя это, Клим Пантелеевич от досады грустнел, уходил в себя, замыкался в кабинете и просиживал до утра за керосиновой лампой, работая над рассказом, пьесой или повестью. Это новое увлечение пришло неожиданно, и теперь он печатался под псевдонимом Побединцев. Любил он и шахматы, и карты, и бильярд. Это были игры, в которых Клим Пантелеевич почти никогда не проигрывал, если, конечно, перед ним не сидел гроссмейстер, признанный мастер бильярда или заядлый картёжник.

Нельзя сказать, что в Ставрополе не было общества, в котором Вероника Альбертовна могла бы чувствовать себя так же, как в столице, общаясь с дамами своего круга. Нет, дело совсем не в этом. Журфиксы у Высоцких и приглашения в другие дома состоятельных горожан, конечно же, случались, но всё это было похоже на пародию их недавней петербургской жизни. Там – в столице – всё было иначе. Казалось, даже воздух в Петербурге был другой. Что уж говорить о магазинах! Была и иная причина не любить Ставрополь: в столице она почти не изводила себя мыслями о том, что Господь не дал ей ребёнка. А здесь, увидев на улице мальчика или девочку, она едва сдерживала слёзы, чувствуя некую вину перед супругом, хотя Клим ни разу за всю совместную жизнь не упрекнул её за это.

Выйдя из очередного модного магазина-салона, Ардашев сказал жене:

– Итак, дорогая, приглашаю тебя в «Гранд-Отель». Ещё утром я абонировал столик на двоих у эстрады. Хозяин отеля Троятов мне хвастался, что сегодня у него будет необычный вечер. Ожидается выступление французских танцовщиц. В Ставрополе они проездом.

– Это же чудо! Не может быть!

– Вот и я думаю, что не может быть, – улыбнулся присяжный поверенный. – С точки зрения железнодорожного сообщения Ставрополь – тупик. Некий транспортный аппендицит. И никого «проезда» тут быть не может. Сдаётся мне, что сии актрисы к Парижу имеют такое же отношение, как Нижний рынок к Елисейским Полям. Но, думаю, лучше посмотреть, а потом уж давать оценку... А вот и извозчик. – Адвокат сделал едва заметный знак, и сани остановились.

– На Александровскую, любезный. К «Гранд-Отелю», – помогая усесться Веронике Альбертовне, велел Ардашев.

II

Ресторан в гостинице «Гранд-Отель» в Ставрополе считался лучшим. Сюда и в обычные дни было трудно попасть, а в рождественские праздники – и подавно. Метрдотель почётных гостей знал в лицо и потому, едва завидев присяжного поверенного, устремился навстречу.

– Милости прошу, дорогие Клим Пантелеевич и Вероника Альбертовна. Столик ждёт вас.

– Вы очень любезны, дорогой Павел Петрович. Скоро ли начнётся танцевальная феерия?

– С минуту на минуту...

– Клим Пантелеевич! Вероника Альбертовна! Добрый вечер! – раздался чей-то голос. – Давненько я вас не видел.

Ардашев обернулся.

– Здравствуйте-здоровствуйте, Василий Фёдорович! Тоже решили посмотреть на французенок?

– А что ещё прикажете делать в нашей провинциальной дыре, в особенности если вдовец так и не нашёл своего счастья? Это вот вам хорошо с Вероникой Альбертовной. А мне – скукота... Только и осталось, что пальмы в зале в кадки сажать да попугаев разводить... Кстати, позвольте поинтересоваться, какие планы у четы Ардашевых на Васильев вечер? – сверкнув глазами, задал вопрос невысокий, щуплый человечек лет сорока с аккуратными усиками-щёткой и клиновидной бородкой.

– Собственно, никаких. Родственников у нас в Ставрополе нет. Собирались остаться дома, – пожав плечами, ответил Ардашев.

– Тогда приглашаю вас ко мне, – проговорил Иванов. – В восемь пополудни. Обещаю очень интересную программу. Во-первых, новейшая игра от Императорской карточной фабрики «Флирт цветов», во-вторых, необычный праздничный стол магрибской кухни, в которой вы, дорогой Клим Пантелеевич, прекрасно разбираетесь, в-третьих, среди приглашённых ваш постоянный соперник за шахматной доской – доктор Нижегородцев и несколько моих друзей со своими нежными и любящими половинами. Чрезвычайно буду рад видеть вас в моём скромном театральном салоне, тем более что 31 декабря – день ангела у Василия.

Ардашев посмотрел на супругу, но она отвела взгляд, предоставив ему право самому принимать решение.

– В таком случае, Василий Фёдорович, не вижу причин для отказа.

– Итак, в восемь пополудни у меня на Мавринской. Жду! – Иванов склонил учтиво голову и удалился. Ардашевы последовали к своему столику.

Погас свет, и зажглись огни ramпы. Заиграла весёлая музыка, слегка напоминающая польку, но в темпе марша. Занавес открылся, и на сцену выехал огромный торт. Первый ряд – шесть женщин, второй – четыре, а третий – две. Торт стал вращаться, и танцовщицы, облачённые в балетные тюники, спустились вниз с пьедесталов и образовали на сцене круг. Оркестр играл всё быстрее. Мандолина и гитара задавали темп. Дамы, взявшись за руки, кружили вокруг. Вдруг от них отделись две танцовщицы, вышли на авансцену и стали выполнять невозможные прыжки через спину, точно гимнастки. Публика рукоплескала. Вспыхнул свет. Двенадцать красавиц кланялись зрителям. Зал накрыла волна оваций, и между рядами стали ходить два мальчика с букетами. Их охотно покупали и тут же бросали на сцену.

Так продолжалось почти час. Уже под самый занавес над ухом адвоката раздался голос:

– Простите, сударь, вам просили передать.

Присяжный поверенный повернул голову, и официант протянул Ардашеву согнутый вдвое листочек, вырванный, очевидно, из записной книжки.

– Кто просил?

– Не знаю. Записку вместе с чаевыми передал мальчуган, продававший цветы. Он указал на вас.

– Где он?

– Убежал куда-то, – простодушно ответил тот. – Простите, сударь, но мне надобно идти.

– Ладно, – Клим Пантелеевич кивнул и развернул послание. Карандашом было написано: *«На Мавринской может случиться убийство»*.

– Что там, милый? – вопросительно проворковала Вероника Альбертовна.

– Какая-то чепуха. Вероятно, нас с кем-то спутали. – Адвокат убрал записку в карман.

Концерт продолжался, но Ардашевы вскоре покинули ресторан, к радости компании студентов, толкущихся у самого входа перед строгим швейцаром в ожидании освободившегося столика.

Извозчик стоял рядом и, поймав на себе заинтересованный взгляд, тут же подал сани к входу. Вскоре они неслись вниз по Театральной, а потом и Николаевскому проспекту до самого дома под номером 38, не встречая преград. Снег падал перьями, точно на небе распорили огромную подушку. Город не спал. Повсюду слышался смех и весёлые голоса. Приблизился Васильев вечер.

III

Каменный терем Василия Иванова, именуемый театральным салоном, стоял почти в самом конце Мавринской улицы. Одноэтажный дом имел две залы со сценами, отделанные дорогим паркетом, золотой росписью по стенам и лепниной по потолку. Полы в фойе были покрыты мрамором. Комнаты для гостей ничем не уступали другим помещениям. Всюду роскошь: картины Клевера и Семирадского в вызолоченных рамах, китайские напольные вазы, бархатные шторы и дорогая антикварная мебель. Откуда такое богатство у недавнего чиновника, учёного и селекционера, возглавлявшего губернскую опытную станцию? Ответ прост: перейдя с государственной службы в коммерцию, Василий Фёдорович Иванов занялся поставками ставропольского зерна за границу через Новороссийский порт. Это и приносило прибыль. Всё бы хорошо, да сорокалетний коммерсант так и не устроил свою личную жизнь после смерти супруги. Откровенно говоря, многие незамужние барышни грезили стать его жёнами, но Василий Фёдорович так и не мог остановиться ни на одной из них. Правда, поговаривали, что не гнушался он адюльтером и с замужними ставропольскими красавицами. Словом, женским вниманием Иванов обделён не был. Даже заезжие столичные актрисы, в том числе и оперные, нередко выступали на одной из сцен его театрального салона. Да и он сам нередко принимал участие в любительских спектаклях.

С западной стороны к дому, а точнее, к спальным комнатам, примыкал зимний сад, устроенный на манер стеклянной галереи. Чего там только не было! Девять разновидностей пальм, привезённых из Сочи. Редкие для здешних мест птицы свободно жили в зимнем саду и перелетали с пальмы на пальму: певчий сорокопут, похожий на снегиря, обладающий удивительным голосом, блестящий скворец необычайного окраса, то ли сине-зелёного, то ли зелёно-чёрного со стальным блеском самого пера, пара желтоклювых токо и, конечно же, попугаи: жако, ара и корелла. Эта часть зала была отгорожена сеткой от потолка до самого пола. За ней был устроен бассейн с диковинными рыбами. Рядом с ним – террариум со скорпионами, представлявший собой большой стеклянный ящик с внутренним покрытием из песка, мха, коры орхидей, сверху закрытый застеклённой рамой.

Надо признать, что хозяин дома держал двери зимнего сада открытыми, и его частыми гостями были не только любознательные учащиеся гимназий, семинаристы, но и простые горожане.

Ардашевы прибыли в гости точно к назначенному часу и не с пустыми руками. Клим Пантелеевич преподнёс имениннику дорожный Waterman – самопишущее золотое перо. Иванов, которого удивить в этой жизни, казалось бы, уже нечем, искренне благодарил адвоката и его супругу за подарок.

Новогоднее настроение создавала не только рождественская ёлка, наряженная всевозможными украшениями и установленная в главном зале, но и струнный квартет «Букет» (две скрипки, альт и виолончель), игравший Моцарта, Бетховена, Танеева и Чайковского. Сей квартет в Ставрополе был известен главным образом благодаря своему дамскому составу: двум очаровательным скрипкам, ослепительной блондинке альту и стройной брюнетке виолончели. Концерты «Букета» пользовались популярностью, и его выступления хорошо оплачивались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.